

AMORE

ЗАРУБЕЖНЫЕ РОМАНЫ О ЛЮБВИ

МЕЛАНИ БЕНДЖАМИН

ЖЕНА АВИАТОРА

Москва
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б46

Melanie Benjamin
The Aviator's Wife

© 2013 by Melanie Benjamin. This translation is published by arrangement with
Delacorte Press, an imprint of
The Random House Publishing Group, a division of Random House, LLC

Перевод с английского *Е. Нарышкиной*
Художественное оформление *П. Петрова*

Бенджамин, Мелани.

Б46 Жена авиатора / Мелани Бенджамин ; [пер. с англ.
Е. М. Нарышкиной]. — Москва : Издательство «Э»,
2015. — 448 с. — (Аморе. Зарубежные романы о любви).

ISBN 978-5-699-83820-2

Большую часть жизни Энн Морроу, жена известного летчика Чарльза Линдберга, провела в тени славы мужа. Она посвятила ему себя, была его вторым пилотом, женой и другом. Их брак был насыщен головокружительными взлетами и разрушительными падениями. Но могла ли Энн подумать, что ее любящий муж, ее опора, отец ее детей, все эти годы вел двойную жизнь?!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-83820-2

© Нарышкина Е., перевод
на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформле-
ние. ООО «Издательство «Э», 2015

Посвящается Алеку

Но слепо зреньё –
Видеть надо сердцем¹.

1974

Он улетает.
Хочу ли я запомнить его таким? Когда я смотрю, как он лежит, разбитый, побежденный той силой, которую даже ему не одолеть, то понимаю, что придется тщательно отбирать свои воспоминания. Их слишком много. Пожелтевшие газетные страницы, невероятное количество медалей и трофеев, личные письма от президентов, королей, диктаторов. Книги, фильмы, спектакли о нем и его достижениях, школы и институты, гордо носящие его имя.

Трогательные фотографии ребенка с белокурыми кудрями, голубыми глазами и глубокой ямочкой на подбородке. Помятые копии писем Чарльза к другим женщинам, спрятанные в моем портмоне.

Я ерзаю в кресле, стараясь не потревожить его; мне нужно, чтобы он выспался, восстановился перед серьезным разговором: мне слишком много нужно сказать ему и у нас слишком мало времени. Всем нутром чувствую его уход и ничего не могу с этим поделать, но также не в состоянии больше наблюдать за тем, как он уходит от меня, оставляя в одиночестве, растерянности и недоумении. Мои руки сжаты, зубы так стиснуты, что болит челюсть, я наклоняюсь вперед, как будто могу силой воли заставить самолет лететь быстрее.

¹ В Евангелии: «Блаженны чистые *сердцем*, ибо они Бога узрят» (Матфей 5:8).

Стюардесса заглядывает за штору, отделяющую нас от остальных пассажиров.

— Вам что-нибудь нужно?

Я отрицательно качаю головой, и она уходит, бросив встревоженный и одновременно благоговейный взгляд на худую, изможденную фигуру моего мужа. Он хрипло дышит, его веки дергаются, как будто он все еще борется, все еще чего-то ожидает, даже в своем наркотическом сне. И, зная его, я не сомневаюсь, что так оно и есть.

Неотвеченные вопросы — их по-прежнему так много, что мне не упорядочить их, не выстроить в какой-то определенной последовательности. Я даже не могу выбрать, с какого вопроса начать. Столь многие требуют ответов. Он вообще-то любил меня когда-нибудь?

А я? Всегда ли я любила его? Однажды, много лет назад, я от него ушла. Это было очень давно, однако я прекрасно помню цвет чемоданчика, который взяла, туфли, в которых я перешагнула порог нашего дома. Когда я вернулась обратно, на мне была та же пара. Приходило ли ему когда-нибудь в голову, что он почти потерял меня в тот момент? Не поэтому ли он предал всех нас?

Мне хочется встряхнуть его, разбудить, заставить рассказать об этом, но я не могу решиться, пока еще не могу. Поэтому я заставляю себя сосредоточиться только на одном вопросе — на него не может ответить никто, кроме меня. Остальные оставлю на потом. Задам его после того, как мы приземлимся и дети скажут все, что им нужно.

Тогда, когда мы останемся наедине.

Сделав глоток тепловатой воды, я бросаю взгляд в окно и размышляю в который раз, как сохранить в памяти того единственного, который никогда не был обыкновенным

мужчиной, и меньше всего — для меня. Теперь мы летим над облаками, пересекая континент на запад.

Полет.

Летчик навсегда захвачен в плен фотографиями и кинохроникой. Вот он весело машет из кабины самолета, худой и загорелый, в своей слишком просторной форме. Соломенные волосы коротко пострижены, мальчишеская челка треплется на лбу. Или вот стоит, небрежно опершись на свой самолет — тот самый, о котором он всегда говорил с таким почтением, что я понимала: машина — это неотъемлемая часть его сущности. Как оказалось, мне никогда не занять такое же важное место. Знаменитый одномоторный моноплан «Дух Сент-Луиса».

Даже теперь я думаю о полете как о спасении — несешься вместе с птицами по воздушным потокам, а вокруг небо, как огромный тихий храм. И хотя я знаю, что это не так — в ушах до сих пор звучит рев тех ранних двигателей, — но все равно представляю, как летчик пересекает океан в полной тишине. Совсем юный. Рука сжимает штурвал, и он один со своими мыслями, в первый и единственный раз в своей жизни свободен от чужих ожиданий. Свободен от бремени легенды, которое ляжет на него всего лишь через двадцать часов на допотопном летном поле в пригороде Парижа.

И, если я, в конце концов, выберу именно это воспоминание о нем, увижу ли я его лицо? Или снова буду сидеть позади него, как сидела столько раз, что в воспоминаниях остался только затылок с красивыми белокуро-рыжими волосами и шея, напряженно вытянутая вперед? Узнаю ли я его плечи, широкие и напряженные, под мешковатой форменной летной курткой?

Но тогда это будет не он; это будем мы. И я тоже вместе с ним буду лететь на плечах истории в маленькой открытой кабине «Духа Сент-Луиса».

Нет. Я резко задерживаю штору, чтобы больше не видеть облаков. Нет. Он должен один парить над океаном в тот первый раз, как написано в исторических книжках; он должен быть молодым, иметь мальчишеский вид, и будущее, непрожитое, незапятнанное, должно быть его единственным пассажиром.

Несмотря на всю пережитую боль, горечь, предательство — его и мое, — я молюсь богу из моего детства, чтобы запомнить летчика именно таким. Напряженная, но полная надежд фигура, столь красиво вылепленная, как будто является частью силуэта самолета. Он проносится через океан с помощью пары сэндвичей, термоса кофе, железной силы воли и невероятной самонадеянности. Его синие глаза блестят, как солнце над океаном, который плещется за окном кабины так близко, что кажется, будто летчик может дотронуться до него. У летчика все впереди. И я — тоже.

Только он этого еще не знает. Он летит к нам, столь наивный, что пока еще в состоянии взять в плен и разбить мое сердце.

Глава первая

.....

Спустившийся с облаков на землю. Я твердила про себя эти слова, шептала в восхищении. Спустившийся с облаков на землю. Приземлившийся. Приземленный. Какое тяжелое сравнение, если подумать — я невольно представляю грязные поля с колеями от телег и земляными червями, — хотя люди всегда расценивают этот эпитет как комплимент.

— «Приземленный» — слышишь, Элизабет? Можешь поверить, что папа сказал это про летчика?

— Сомневаюсь, что он понимал, что говорит, — пробормотала сестра, сосредоточенно водя ручкой по листку бумаги и не обращая внимания на раскачивающийся вагон мчащегося поезда. — Энн, дорогая, если бы ты дала мне закончить это письмо...

— Конечно, это не про него, — настаивала я, не желая замечать пренебрежения сестры. За сегодняшний день она писала уже третье письмо! — Папа никогда не понимает, что говорит, за это я его и люблю. Но, честно, в его письме было написано именно так: «Я очень надеюсь, что ты встретишь полковника Линдберга. Он такой приземленный!»

— Ну, папа довольно сильно увлечен полковником...

— Да, я знаю. — Я совсем не собиралась его критиковать! Просто думала вслух. Никогда не стала бы обсуждать это с ним.

Внезапно мое настроение изменилось, как бывало всегда, когда я находилась с кем-нибудь из своих родственни-

ков. Отдельно от них я могла быть самоуверенной, почти беззаботной, имеющей собственное мнение. Однажды кто-то даже назвал меня жизнерадостной (хотя, если быть честной, это был первокурсник в колледже, принявший изрядную дозу скверного джина).

Когда бы ни собиралось вместе наше семейство, мне требовалось какое-то время, чтобы расслабиться и приспособиться к ритму их речи и добродушному подшучиванию друг над другом, в котором они охотно упражнялись. Думаю, острое словцо всегда имелось у каждого наготове, даже когда мы жили так далеко друг от друга. Я представляла, как каждый, хоть и погруженный в свою ежедневную жизнь, мысленно посылает мне его, словно мурлычет мотив давней семейной симфонии.

К слову сказать, ген музыкальности обошел меня стороной, как и многие другие фамильные черты — например, знаменитое чувство юмора Морроу. Так что мне всегда требовалось больше времени, чтобы вспомнить свою партию в этих домашних песнях и плясках. Вот уже неделю мы вместе с братом и сестрой ехали в Мексику на поезде, а я все еще чувствовала себя скованно и боролась с застенчивостью. Особенно рядом с Дуайтом, ведь он перешел на последний курс Гротонского колледжа. У брата появилась ранее несвойственная ему бледность и предрасположенность к странным приступам какого-то детского смеха, хотя физически он быстро вырослел и превращался в точную копию нашего отца.

Элизабет была такой же, как всегда, и рядом с ней я чувствовала себя прежней: в ее солнечном присутствии я была понижена в должности и больше не была самоуверенной выпускницей колледжа. В затхлом воздухе вагона я казалась себе такой же несвежей и помятой, как и несчастное льняное платье, которое носила. А она

оставалась спокойной и хладнокровной, как манекен. Ни единой складочки, ни единого пятнышка не было на ее элегантном шелковом костюме, несмотря на рыжую пыль, влетавшую в вагон сквозь щели в окнах.

— Я тебя умоляю, не надо все усложнять, Энн, ради бога! Конечно, ты не станешь критиковать папу в лицо — только не ты!

Элизабет с росчерком подписала письмо, аккуратно сложила его и спрятала в карман.

— Адрес напишу позже. Только подумай, как отлично оно будет выглядеть на бланке посольства!

— Кому ты пишешь на этот раз? Конни?

Элизабет молча кивнула; она писала Конни Чилтон, своей бывшей соседке по комнате из Смита¹, так часто, что этот вопрос едва ли стоило задавать. Я чуть было не спросила, нужна ли ей марка, но вовремя вспомнила, что мы теперь важные персоны. Наш отец был назначен послом в Мексике. Мы, Морроу, отныне не нуждались в таких обыденных предметах, как марки. Все наши письма посылались специальной правительственной диппочтой вместе с меморандумами и докладными записками отца.

Ходили слухи, что полковник Линдберг сам повезет на самолете диппочту обратно в Вашингтон, когда полетит назад. По крайней мере на это намекал папа в своем последнем письме, полученном мной как раз перед тем, как мы с Элизабет и Дуайтом сели на поезд в Нью-Йорке. Теперь мы находились в Мексике — ночью пересекли границу. Я с восхищением смотрела на незнакомый пейзаж, пока поезд, пыхтя, двигался в южном направлении. Унылые, странно освещенные равнины Среднего Запада,

¹ С м и т — частный независимый женский гуманитарный колледж.

мрачная пустыня Техаса, одинокие глинобитные домики с крышами из листового железа под бесцветным, бесконечным небом. Мексика по контрасту показалась мне гораздо более зеленой, чем я предполагала, особенно когда дорога стала подниматься вверх к Мехико-Сити.

— Ты написала Конни, что мы видели Глорию Свенсон с мистером Кеннеди? — Мы мельком видели их обоих, кинозвезду и банкира, когда те садились на поезд в Техасе. Они опустили головы и подняли воротники. Джозеф Кеннеди был женат, имел выводок католических малышей и красавицу жену по имени Роза. Что касается мисс Свенсон, то, судя по журналу о жизни звезд, который я иногда брала посмотреть у своей соседки по комнате, она была замужем за французским маркизом.

— Нет, папе бы это не понравилось. Теперь, когда он стал послом, мы должны быть более осторожны.

— Ты права. Какая же она маленькая в жизни! Гораздо меньше, чем в кино. Практически такого же роста, как и я!

— Я слышала такое про киноартистов, — Элизабет задумчиво кивнула, — говорят, что Дуглас Фербенкс немного выше Мэри Пикфорд.

Проводник-мексиканец постучал в дверь нашего купе, потом засунул в него голову.

— Прибываем на станцию, мисс, — сказал он, обращаясь к Элизабет, которая снисходительно улыбнулась и кивнула, после чего он ретировался.

— Не могу дождаться, когда увижу Кон, — сказала я, чувствуя, как внутри что-то сжимается от радостного предвкушения, — и маму, конечно. Но больше Кон! — Я скучала по своей маленькой сестре, скучала и одновременно завидовала ей. В свои четырнадцать она могла совершить переезд в Мексику вместе с нашими родителями

и жить веселой жизнью дипломатической миссии, которую я лишь мельком увижу на каникулах, — моих первых каникулах с тех пор, как папа получил это назначение.

Взяв свой дорожный чемодан, я вслед за Элизабет вышла из нашего частного вагона в коридор, где к нам присоединился Дуайт, нервно теревший галстук.

— Посмотри, правильно ли завязано, Энн? — Брат нахмурился и стал так похож на папу, что я чуть не рассмеялась. Тот тоже никогда не мог освоить науку завязывания галстуков. И брюки у него всегда были слишком длинными и собирались складками, как кожа на коленях у слона.

— Да, конечно. — И я хорошенько дернула брата за галстук.

Внезапно поезд остановился; мы были на платформе, в толпе возбужденных пассажиров, в обволакивающем южном тепле, которое мягко согревало мое тело, все еще не отошедшее от нортхэмптонской зимы, которую я привезла буквально на своих плечах — забыла положить в чемодан зимнее пальто.

— Энн! Элизабет! Дуайт! — послышался смех, щебетанье, и к нам подбежала Кон.

Ее маленькое круглое личико загорело под южным солнцем, волосы стягивала яркая красная ленточка. На ней было мексиканское платье с яркой вышивкой и пышная юбка, на маленьких ножках — гуарачи.

— Вы только посмотрите! — смеясь, я обняла ее. — Просто картинка! Настоящая сеньорита!

— Родные мои!

Оглянувшись, я оказалась в объятиях мамы, но потом была мгновенно оставлена, потому что она переключилась на Элизабет. Мама выглядела, как всегда, безусловно — чопорная светская дама из Новой Англии, волею судьбы